

Добросовестность в системе принципов гражданского права

А. А. Чукреев

Гражданское законодательство, согласно п. 1 ст. 1 ГК, основывается на следующих основных началах: а) равенства участников регулируемых отношений; б) неприкосновенности собственности; в) свободы договора; г) недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела; д) необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Вероятно, под словосочетанием «основные начала» следует понимать более традиционный для отечественной юридической литературы термин «правовые принципы». Хотя данные начала уже не просто правовая идея, а «обобщение нормативного уровня как результат прохождения научно абстрагированных идей через сознание законодателя, непосредственно проявившееся в материи объективного права»¹.

Как вытекает из пункта 1 ст. 2 ГК, характерными признаками предмета гражданско-правового регулирования в совокупности являются: 1) имущественный (или связанный с ним неимущественный) характер отношений; 2) равенство участников последних; 3) автономия их воли и 4) их имущественная самостоятельность. Какова же природа двух последних постулатов? Ответ на вопрос, являются ли третья и четвертая категории также принципами отрасли, не лежит на поверхности.

Чукреев Андрей Александрович — аспирант Института государства и права Тюменского государственного университета.

¹ Комиссарова Е. Г. Об основных началах гражданского законодательства // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 19.

В специальной литературе до сих пор не достигнуто единство мнений относительно количества и состава отраслевых принципов гражданского права России. Нераскрытым остается, в частности, соотношение существенных признаков предмета и принципов гражданского права: считать ли, например, автономию воли как черту регулируемых отношений одновременно и отраслевым принципом? Здесь же возникает и другой вопрос, на который также нет однозначного ответа: о соотношении метода отрасли и ее принципов. Входят ли последние в структуру метода, выполняя в его рамках соответствующие функции, или являются относительно самостоятельным блоком механизма гражданско-правового регулирования?

Для продолжения исследования следует определиться, являются ли такие категории, как *равенство участников имущественного оборота*, *автономия воли* и *имущественная самостоятельность*, принципами отечественного гражданского права. Постулат о «равенстве участников» традиционно единогласно признается в отечественной цивилистической литературе последних десятилетий принципом отрасли².

² См.: Гражданское право: Учебник для вузов. Ч. 1 / Под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. М.: Норма, 2001. С. 12—13; Гражданское право: Учебник. Ч. 1. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: ПРОСПЕКТ, 1998. С. 17, 19—20; Советское гражданское право. Т. 1 / Отв. ред. О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой, Б. Б. Черепахин. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. С. 16—17; Советское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / Под ред. О. А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. С. 29.

В отношении двух других категорий дело обстоит гораздо сложнее. Так, Т. И. Илларионова, Н. Д. Егоров не упоминают их среди принципов гражданского права. Не называя автономии воли принципиальным началом отрасли, Т. И. Илларионова указывает на нее как на сущностный признак предмета: участник гражданского общества «принципиально не зависит от воли других участников и властных структур в принятии решений и их осуществлении». Среди девяти принципов гражданского права она называет следующие: принцип осуществления прав своей волей и в своем интересе и принцип недопустимости злоупотребления правом³.

А каков был взгляд цивилистов советского периода на рассматриваемые вопросы? Например, В. П. Грибанов вообще не называет ни одного из указанных трех положений принципами «осуществления гражданских прав». Таковыми он, в частности, считает «принцип добросовестности при осуществлении гражданских прав», «принцип осуществления гражданских прав в соответствии с их назначением», «принцип товарищеского сотрудничества при осуществлении гражданских прав и обязанностей»⁴.

Автономии воли и имущественную самостоятельность О. А. Красавчиков также не считал принципами гражданского права. Тем не менее он называет такие черты метода отрасли, как «диспозитивность субъектов гражданского права в приобретении и реализации субъективных прав» и «инициативность субъектов гражданского права в формировании гражданских правоотношений», а в качестве отраслевого принципа —

«принцип свободы в осуществлении гражданских прав в соответствии с их социальным назначением и добросовестность в исполнении гражданских обязанностей»⁵.

То же видим и у О. С. Иоффе: он не использует словосочетание «автономия воли», но указывает на «принцип личной инициативы». Кроме того, под равенством понимает «неподчиненность участников гражданского правоотношения друг другу»⁶.

Ясно, что идеологические причины и многие другие политико-экономические факторы в Советском Союзе не позволяли говорить об автономии воли и уж тем более об имущественной самостоятельности и свободе договора. Но видно и другое: ученые искали теоретические «каналы» для отвода накопившегося из-за административного диктата парадоксального «напряжения», не свойственного гражданским правоотношениям в естественных условиях свободного рынка. Вот и появлялись такие конструкции, как «диспозитивность», «инициативность» и т. п.

Однако тем более непонятно, почему до сих пор не получила должного фундаментального научного освещения категория автономии воли, дающая логическое обоснование, например, краеугольному принципу имущественного оборота — свободе договора.

Важнейшими принципами гражданского права следует признать два принципа: *формального равенства и автономии воли*. Остальные принципы, являясь более *частными*, производны от этих двух, хотя без первых невозможно представить регулирование указанных имущественных отношений, так как они наполняют его конкретным жизнен-

³ См.: Гражданское право: Учебник для вузов. Ч. 1. С. 4, 12—13; Гражданское право: Учебник. Ч. 1. С. 17 (автор главы Н. Д. Егоров).

⁴ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Серия «Классика российской цивилистики». М.: Статут, 2000. С. 226—231.

⁵ Советское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / Под ред. О. А. Красавчикова. С. 18, 20—22; 29—30.

⁶ Советское гражданское право. Т. 1 (автор раздела О. С. Иоффе). С. 18—19.

ным смыслом. *Формальное равенство* и *автономия воли* — категории тесно связанные, но отражающие закономерности разного порядка. Они находят свое объективное обоснование на разном «удалении» от предмета гражданского права, от «материальных» отношений, регулируемых последним.

Принцип *автономии воли* характеризует онтологическую предпосылку гражданского оборота, вскрывает диалектическую сущность экономических отношений. В самом общем значении термин «автономия» следует признать синонимом слов «самостоятельность», «независимость», наконец, «самоуправление», — «внутреннее, своими собственными силами управление делами в какой-нибудь организации, коллективе»⁷. Очевидно, в последнем значении «внутренняя» сторона преобладает по смыслу над «внешней». Вряд ли эту черту нужно абсолютизировать, тем более что речь идет о социальной жизни, где замкнутые системы обречены на регресс. Автономия подчеркивает не столько замкнутость «вещи» в самой себе, сколько ее системность, эмпирическую отличность от других явлений, способность собственными механизмами поддерживать свое существование и внешнюю активность.

Слово «воля» многозначно. Применительно к рассматриваемой проблеме заслуживают внимания три тесно связанных его значения: а) «способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели»; б) «сознательное стремление к осуществлению чего-нибудь» и в) «власть, возможность распоряжаться»⁸. Первые два смысла лежат в плоскости психологии, а последний, не теряя психологических корней, находится в плоскости социальных возможностей, как некая

предпосылка, благодаря которой первые два смысла могут реализовываться фактически.

Автономия воли субъекта гражданского правоотношения подразумевает несколько аспектов, предпосылок: 1) наличие собственного, обособленного от других, *законного интереса* (интерес может быть не опосредован правом, но, учитывая особенность частноправового регулирования — *общедозволительность*, можно сделать вывод о том, что это не препятствует его реализации. Если нет специального запрета, такой интерес признается законным); 2) принципиальная юридическая возможность, в том числе посредством представительства, реализации имеющихся законных интересов (право может осуществляться чужое и в чужом интересе, например, законным представителем недееспособного); 3) недопустимость вмешательства другой воли в деятельность по реализации законных интересов, которое ведет к нарушению последних.

На наш взгляд, принцип *автономии воли* является аксиоматичным, фундаментальным принципом гражданского права, он лежит в основе соответствующего регулирования, так как отражает сущностные характеристики его предмета. Принцип *формального равенства* исторически и логически выводится из онтологической автономности и разумной активности человеческой психики. Данный принцип *формален*, указывает на *юридически равное* отношение ко всем участникам гражданского оборота. Конечно, не абсолютно равное, а равное в принципе, в допуске к соответствующим основным возможностям.

Все это останется декларацией в экономическом пространстве, если лицо фактически не владеет имуществом на законном титуле, то есть не обладает *имущественной самостоятельностью*. А если обладает, то для дальнейшего движения необходимы такие основополагающие юри-

⁷ Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 17, 405, 695.

⁸ Там же. С. 96.

дические начала, как *неприкосновенность собственности, свобода договора* и т. д.

Среди принципов осуществления гражданских прав, по мнению В. П. Грибанова, «важное значение имеет также принцип добросовестности». Суть этого «руководящего положения права» заключается в соблюдении участником имущественного оборота моральных и других неправовых социальных норм⁹.

Принцип добросовестности, по нашему мнению, занимает важное место в системе принципов гражданского права. Он тесно связан с такими фундаментальными принципами, как автономия воли и формальное равенство участников гражданского оборота, отражая динамику, развитие последних в конкретных правовых предписаниях. Данный принцип не находит своего прямого, общего закрепления в Гражданском кодексе РФ, однако можно обнаружить его «следы» в нормах частного значения.

Принцип добросовестности — это *обязанность участника гражданских правоотношений при использовании своих прав и исполнении своих обязанностей заботиться о соблюдении прав и законных интересов других участников имущественного оборота*.

Заботливость в этом смысле *подразумевает стремление субъекта предвидеть и предотвращать связанные с его деятельностью нарушения прав и законных интересов других лиц*. «Заботливый» значит проявляющий заботу, то есть мысль или деятельность, направленную к благополучию кого-либо или чего-либо, внимательный¹⁰. Заботливость — субъективная характеристика добросовестности, которая помимо этого подразумевает и формальную сторону: пределы должного, в рамках которых субъект обязан быть заботливым.

⁹ См.: Грибанов В. П. Указ. соч. С. 226—227.

¹⁰ См.: Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 198.

Слово «осмотрительность», часто используемое законодателем для оценки субъективной стороны правонарушения, в определении добросовестности не использовано намеренно. С нашей точки зрения, оно логически входит в объем данного выше понятия заботливости. «Осмотрительный» значит осторожный в смысле «предусматривающий возможную опасность, не опрометчивый»¹¹. Истинно заботливый не может быть неосмотрительным. В то же время «осмотрительность» более, чем «заботливость», окрашена психологически. В таком значении под осмотрительностью в гражданском праве следует понимать *выразившееся в деяниях стремление субъекта выявлять факторы, связанные с осуществлением своей деятельности, которые способны вызвать нарушение прав и законных интересов других субъектов, и подыскивать адекватные средства преодоления таких факторов*. Деятельный элемент заботливости — стремление «принять все меры» для указанного преодоления — остается за рамками осмотрительности.

Соответственно *недобросовестность* как условие применения к субъекту юридической санкции — это *отсутствие в противоправном деянии или недостаточное воплощение намерения соблюсти чужие права и законные интересы*.

Добросовестность фигурирует как принцип в ст. 10 ГК, но он не носит согласно п. 3 этой статьи универсального для отрасли характера. Действие данного принципа ограничено следующими условиями: 1) он имеет характер доказательственной презумпции, то есть работает только в рамках охранительных правоотношений; 2) презумпция добросовестности применяется не в любом случае, а лишь тогда, «когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществля-

¹¹ Там же. С. 463—464.

лись ли эти права разумно и добросовестно».

Упоминание в данной норме о «разумном осуществлении прав» или о «разумности действий участников гражданских правоотношений», на наш взгляд, излишне. Предположение обратного было бы абсурдом. Вряд ли поэтому стоит понимать слово «разумность» (поведения) только в привычном, распространенном значении: логичный, основанный на разуме, целесообразный¹². Термин стоит толковать узкоюридически. Так, предпринимательская деятельность по определению осуществляется «на свой риск» (п. 1 ст. 2 ГК), то есть все негативные последствия возможной экономической неэффективности предприниматель должен претерпевать самостоятельно, никто юридически не обязан оказывать ему какую-либо помощь. Но тогда выходит, что и предприниматель ни перед кем не обязан быть экономически эффективным, он может действовать даже неразумно, нецелесообразно с точки зрения социальных стандартов. Следует признать это правомочие элементом правосубъектности участника рыночных отношений. Но данное положение нельзя абсолютизировать. Лицо, активно включенное в имущественный оборот, не может избежать отношений с другими де-

ятелями данной сферы общества, что закономерно ведет к конфликтам интересов. Поэтому и появляются охранительные нормы, требующие от правоприменителя авторитетного определения «разумности» того или иного обстоятельства. Когда разумными называют сроки (например, в ст. 314, 397, 399 ГК), цены (например, в ст. 397 ГК), то речь идет о «разумно понимаемых» по обстоятельствам дела сроках и ценах.

Иногда законодатель воспроизводит эту формулу полностью — например, в ст. 428 ГК говорится о «разумно понимаемых интересах». То есть в таких нормах речь идет о разумности в значении, близком к общеупотребительному. Когда же законодатель говорит об «обнаружившейся неспособности... к разумному ведению дел» (п. 2 ст. 72, п. 2 ст. 76 ГК), об обязанности «проявить разумную заботливость» (п. 2 ст. 375 ГК), о необходимости принятия «разумных мер» (п. 1 ст. 404 ГК), то налицо узко-юридическое значение прилагательного «разумный». В этом аспекте разумность (и осмотрительность) поведения имманентны заботливости как субъективной составляющей добросовестности в гражданском праве. Поэтому здесь те же цели могут быть с успехом достигнуты (без отдельной оценки «разумности») с помощью такого универсального критерия, как «недобросовестность».

¹² См.: Там же. С. 654.

